

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-958-964

ПОЧИВАЛОВА Ж.Г.,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Уральский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
Россия, г. Челябинск,
e-mail: j210708@mail.ru

ХАЛИМОВ Ю.А.,
Студент, 3 курс, факультет подготовки специалистов
для судебной системы (юридический факультет)
Уральский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
Россия, г. Челябинск,
e-mail: yunadix@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, КАК НОВАЯ ЭТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ДЛЯ СУДЕБНОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации этических требований к судьям в условиях цифровой публичности, где поведение в социальных сетях напрямую влияет на профессиональную репутацию. Исследуются нормативные предписания, размывающие грань между частной жизнью и институциональным статусом судьи в интернет-пространстве, а также существующие в доктрине подходы к допустимости виртуальной коммуникации с коллегами-юристами, применительно к которым обосновывается несостоятельность жёстких и умеренных запретов. На примере дисциплинарных прецедентов, связанных с распространением недопустимых фото- и видеоматериалов, демонстрируется неотвратимость санкций за поведение, несовместимое с высоким статусом носителя судебной власти. Делается вывод, что социальные сети являются для судебной системы зоной, повышенной репутационной уязвимости, требующей не изоляции, а выработки особой цифровой осмотрительности, как неотъемлемой составляющей современной судебской этики.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, социальные сети, судебное сообщество, профессиональная этика судей, дисциплинарная ответственность судей, цифровая осмотрительность.

POCHIVALOVA Zh.G.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines
Ural Branch of V. M. Lebedev Russian
State University of Justice,
Russia, Chelyabinsk

KHALIMOV Yu.A.,
3rd year student, Faculty of Training
for the Judicial System (Faculty of Law)
Ural Branch of V. M. Lebedev
Russian State University of Justice,
Chelyabinsk, Russia

SOCIAL MEDIA AS A NEW ETHICAL DILEMMA FOR THE JUDICIAL COMMUNITY

Annotation. *The article is devoted to the study of the transformation of ethical requirements for judges in the context of digital publicity, where behavior on social networks directly affects professional reputation. The article examines the normative prescriptions that blur the line between private life and the institutional status of judges in the Internet space, as well as the approaches existing in the doctrine to the permissibility of virtual communication with fellow lawyers, in relation to which the inconsistency of strict and moderate prohibitions is justified. The example of disciplinary precedents related to the dissemination of unacceptable photographs and videos demonstrates the inevitability of sanctions for behavior incompatible with the high status of the holder of judicial power. It is concluded that social networks are a zone of increased reputational vulnerability for the judicial community, requiring not isolation, but the development of special digital prudence as an integral component of modern judicial ethics.*

Key words: *information and communication technologies, social networks, judicial community, professional ethics of judges, disciplinary responsibility of judges, digital prudence.*

Социальные сети, ставшие неотъемлемым элементом повседневной коммуникации, к январю 2025 года охватили более 73,4 % населения Российской Федерации (далее – РФ), что составляет порядка 106 млн активных пользователей [1]. При этом судейское сообщество не является исключением из данной статистики. Тем не менее если для обычных граждан поведение в цифровом пространстве преимущественно ограничено общими нормами уголовного, административного и гражданского законодательства, то для судей подобная активность порождает дополнительные этико-правовые риски, сопряженные с дисциплинарной ответственностью. Вопрос о допустимых границах присутствия судьи в социальных сетях, включая коммуникацию с одноклассниками по юридическим вузам, взаимодействие с коллегами по профессиональной деятельности (прокурорами, адвокатами, другими судьями, а также иными участниками судопроизводства), распространение сведений о личной жизни (как самим судьёй, так и его родственниками) остаётся доктринально дискуссионным, несмотря на его очевидную практическую значимость. Именно эта коллизия между правом судьи на равную с иными гражданами свободу самовыражения и требованием безупречности поведения, исключающим любые сомнения в беспристрастности правосудия, актуализирует выбранную тему и задает вектор для дальнейшего изучения заявленной проблематики.

В первую очередь необходимо определить нормативную основу, которой руководствуются судьи при взаимодействии с социальными сетями, и те критерии, на которые опирается Высшая квалификационная коллегия судей РФ при наложении дисциплинарных взысканий за поведение в цифровой среде. Основой здесь выступает ч. 4 ст. 14 Кодекса судейской этики [2], устанавливающая, что любые действия судьи в рамках информационно-коммуникационных технологий подчинены требованиям данного кодекса. Из системного толкования положений этого акта вытекает ясная эти-

ческая триада: во-первых, судья обязан во всякой внеслужебной деятельности и неформальных отношениях избегать того, что способно умалить авторитет судебной власти либо посеять сомнения в её беспристрастности и справедливости; во-вторых, он вправе реализовывать себя в научной, образовательной, творческой, общественной и иной публичной сфере, если это не противоречит статусному законодательству и не причиняет ущерба интересам правосудия; в-третьих, воздержание необходимо там, где внесудебная активность создаёт препятствия для исполнения профессиональных обязанностей, оказывает давление на независимость судьи или провоцирует частые заявления об отводе. Таким образом, уже на уровне общих принципов заложен вектор самоограничения, который при переносе в виртуальную среду требует от судьи особенно тонкой настройки социальной оценки.

Конкретизацию этих общих начал мы находим в Рекомендациях для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, утверждённых 19 декабря 2023 года [3]. Документ, являясь неотъемлемой частью этического кодекса, исходит из признания интернета, социальных сетей и мессенджеров одним из самых распространённых и доступных каналов реализации свободы мысли и слова. При этом в данном рекомендательном акте подчёркивается, что особый статус судьи требует повышенной осмотрительности и умения соблюдать баланс между осуществлением гражданских прав и статусными ограничениями. Судья должен учитывать, что любое его поведение в сети – от регистрации под псевдонимом до молчаливой реакции на чужую публикацию – формирует общественное восприятие всей судебной системы. Именно поэтому данный рекомендательный акт предписывает воздерживаться от выступлений от лица судебной власти без надлежащих полномочий, избегать комментариев политического характера и критики государственных институтов, не раскрывать конфиденциальную информацию суда и не допускать

обсуждения дел, находящихся или способных оказаться в производстве. Особого внимания заслуживает указание на то, что даже такие, казалось бы, невербальные формы участия в интернет-коммуникации, как отметки «лайк», «дизлайк» или репост, могут быть интерпретированы аудиторией как одобрение или неодобрение той смысловой нагрузки, которую несёт публикация, и потому должны совершаться с оглядкой на этические последствия.

Мы считаем, что появление столь детализированных рекомендаций свидетельствует не о стремлении загнать судью в информационный карантин, а о глубоком понимании структур судебного сообщества того факта, что цифровая среда стала неотъемлемым продолжением публичного пространства. В условиях, когда грань между частной жизнью и профессиональной репутацией истончается до прозрачности, от судьи требуется не механическое избегание социальных сетей, а выработка особого цифрового такта – умения оставаться самим собой в рамках дозволенного, не нанося ущерба ни правосудию, ни собственному человеческому достоинству. Этическая дилемма здесь заключается именно в том, что социальные сети, предоставляя судье равные с другими гражданами возможности для самовыражения и общения, одновременно накладывают на него бремя постоянного самоконтроля, соразмерного высоте занимаемого положения. И в этом смысле поведение в интернете становится столь же значимым мерилем профессиональной состоятельности, как и решения, выносимые в зале судебных заседаний.

Возвращаясь к теоретическому осмыслению данного вопроса, невозможно обойти вниманием глубокий правовой парадокс, лежащий в основе любого ограничения судебной активности в интернете. Социальные сети являются техническим воплощением свободы, гарантированной ст. 29 Конституции Российской Федерации: каждый вправе беспрепятственно искать, получать, производить и распространять информацию, и цензура в этом пространстве запрещена. Однако именно эта неограниченная свобода самовыражения, доступная рядовому гражданину, вступает в непримиримое противоречие с особым публично-правовым статусом носителя судебной власти. М. М. Караганова справедливо подчеркивает суть этого добровольного самоограничения, отмечая, что: «закон предлагает гражданам Российской Федерации, пожелавшим реализовать конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду и решившим связать свою судьбу с судебным институтом, добровольно принять запреты и ограничения в своей профессиональной и личной жизни, чтобы соответствовать

высокому статусу судьи, не исключая при этом возможности реализации судьей гражданских прав, и не умаляя достоинство и авторитет ни судьи, ни судебной власти в целом» [4, с. 37]. В этой позиции заключен ключевой этический императив, снимающий кажущееся противоречие между статусными запретами и конституционными гарантиями. Вопрос о том, не лишают ли судью фундаментальных прав, вторгаясь в его личное цифровое пространство, теряет свою актуальность, как только мы признаем, что восхождение на судебскую должность есть акт осознанного и добровольного выбора. Человек, принимающий на себя бремя правосудия, заранее соглашается на то, что его личная свобода в публичных проявлениях, включая виртуальные, будет сознательно сужена во имя сохранения того символического капитала, который именуется авторитетом судебной власти. Таким образом, дилемма переходит из плоскости юридического спора о правах в плоскость сугубо этической ответственности: способен ли конкретный судья удержать в равновесии свободу частного лица и величие государственного института, которое он олицетворяет даже в сети.

В продолжение анализа нормативных и доктринальных оснований присутствия судьи в цифровом пространстве особого внимания заслуживает практическая грань этической дилеммы – возможность и допустимые пределы коммуникации судьи в социальных сетях с представителями профессионального юридического сообщества. Несмотря на активную дискуссию, ключевым остаётся вопрос о праве судьи поддерживать виртуальные контакты с одноклассниками по юридическому вузу, коллегами по цеху, включая прокуроров, адвокатов, других судей и иных потенциальных либо реальных участников судопроизводства. Наибольшую сложность проблема приобретает в момент добавления кого-либо из названных категорий в список «друзей» на платформах социальных сетей, поскольку подобное действие, будучи технически элементарным, способно породить подозрения в неформальной близости и, как следствие, в нарушении принципа беспристрастности.

В российской доктрине по данному вопросу, как подчёркивает Л. Е. Факеева, сложились три подхода, различающиеся степенью этической строгости: «выделяют три подхода относительно этической стороны добавления пользователей в друзья юристов – жесткий, умеренный и либеральный» [5, с. 126-127]. Жёсткий подход исходит из превентивной логики и требует, чтобы судья включал в круг виртуальных друзей исключительно тех юристов, которые ни при каких обстоятельствах не смогут в будущем стать участниками

процесса, находящегося в его производстве. Умеренный подход смягчает это требование, распространяя запрет лишь на лиц, которые уже выступали или выступают участниками дела либо представителями сторон у данного судьи; потенциальное будущее участие во внимание не принимается, хотя в условиях ограниченного по размеру юридического сообщества риск пересечения профессиональных траекторий остаётся весьма высоким. Либеральный же подход, напротив, признаёт, что виртуальная «дружба» как таковая не свидетельствует о наличии личных отношений, способных повлиять на правосудие, и потому считается допустимой при соблюдении ряда условий: открытости страницы, постоянного контроля за публикуемым контентом и готовности судьи в каждом конкретном случае самостоятельно оценивать необходимость информирования участников процесса о существующей медиа-связи.

Жёсткий и умеренный подходы, при всей их внешней осторожности, представляются не вполне обоснованными по целому ряду причин. Во-первых, остаётся неясным, каким образом судья мог бы достоверно предвидеть, кто именно из множества юристов, включённых в список его виртуальных контактов, в обозримом будущем окажется участником судебного разбирательства. Во-вторых, технические особенности функционирования социальных сетей обесценивают саму идею простого «удаления из друзей» как способа устранения конфликта интересов. В частности, в социальной сети «ВКонтакте» исключение пользователя из списка друзей автоматически переводит его в категорию «подписчиков», при этом связь сохраняется в публично отображаемой информации для третьих лиц. Следовательно, следуя букве жёсткого или умеренного подхода, судья был бы вынужден прибегать к полной блокировке таких лиц, что видится мерой несоразмерной и несправедливой по отношению к лицам, чьё присутствие в контакт-листе было изначально продиктовано исключительно профессиональным или дружеским знакомством и не сопровождалось какими-либо противоправными действиями, направленными на оказание влияния.

Не меньшие трудности порождает и ретроспективная оценка коммуникации будущего судьи с его одногруппниками в период обучения в высшем учебном заведении. Л. Е. Факеева указывает на потенциальную уязвимость цифрового следа студента юридического факультета: «Вполне возможно размещение ими в социальных сетях фото-, видеоматериалов об участии в праздниках, кооперативах, на отдыхе, в том числе с людьми, которые в будущем могут стать адвокатами, прокурорами, сотрудниками правоохранительных органов и т.п.» [5, с. 128]. Опасения сводятся к

тому, что подобные материалы, запечатлевшие неформальное общение, впоследствии могут быть использованы для постановки под сомнение беспристрастности судьи, если кто-либо из его бывших одногруппников, став прокурором, адвокатом или следователем, окажется участником рассматриваемого им дела. В связи с этим высказываются предложения о необходимости целенаправленного обучения студентов фильтрации публикуемой информации и осторожности в сетевых высказываниях.

Данная дилемма имеет две стороны. С одной стороны, справедливо утверждение, что «Интернет всё помнит», и даже при полном удалении собственных публикаций лицом, принявшим решение стать судьёй, информация о его прошлом с высокой долей вероятности сохранится в копиях, созданных другими пользователями или серверами социальных сетей. Фотографии, переписки в диалогах, которые не всегда возможно удалить у обеих сторон спустя длительное время, остаются в распоряжении друзей и знакомых. Более того, современное образовательное взаимодействие практически полностью опосредовано социальными сетями: старосты групп рассылают домашние задания и организационную информацию, студенты коммуницируют с преподавателями, направляя заявки и работы на предварительную проверку. Следовательно, тотальная изоляция студента от цифровой среды в расчёте на гипотетическую судебскую карьеру представляется утопичной.

С другой стороны, требование жёсткой фильтрации контента обращено к лицу, которое с немалой долей вероятности никогда не станет судьёй. По статистике портала «Superjob», потребность в юристах за последний год снизилась на 20 % [6]. Данная тенденция подтверждается и нормативными актами: распоряжением Правительства РФ от 19 ноября 2025 года № 3339-р установлены предельные объёмы приёма на обучение по юридическим направлениям на 2026/27 учебный год, что косвенно свидетельствует о перенасыщении рынка труда выпускниками юридических вузов [7]. Одновременно с этим судебная система испытывает кадровый дефицит: по информации на февраль 2026 года, президент РФ Владимир Владимирович Путин на ежегодном совещании судей констатировал нехватку судей в размере около 15 % [8]. Таким образом, значительная часть студентов юридических вузов впоследствии не связывает свою судьбу с профессией, а значит, возложение на них уже с первого курса обязанности жёстко цензурировать свою личную жизнь в угоду гипотетическому будущему статусу представляется не только неразумным, но и неправомерным ограничением личной свободы.

Наконец, нельзя игнорировать различие между реальной дружбой и её подобием в цифровом пространстве. Как точно замечено в доктрине: «Если в реальной жизни обозначение человека как своего друга подразумевает достаточно тесную связь и личную привязанность, то список друзей в соц. сети – это не более чем инструмент отслеживания изменений на страницах других пользователей» [9, с. 335].

Презумируя сказанное, следует признать, что ограничение судьи в выборе виртуальных контактов лишено разумных оснований. Через судью ежемесячно проходят сотни дел с участием множества лиц, запомнить персональные данные которых и отследить их виртуальное присутствие физически невозможно. В подавляющем большинстве случаев судьи самостоятельно проявляют осмотрительность и не принимают в друзья подозрительных лиц без достаточных на то оснований. Если же судья реализует своё право на свободное общение в сети, он всегда может при необходимости предоставить скриншоты переписки, подтверждающие отсутствие каких-либо договорённостей или не процессуального общения. Опасения относительно возможного удаления диалогов не являются объективным аргументом, поскольку заинтересованное лицо, желающее оказать влияние, может прибегнуть к иным, куда более надёжным каналам коммуникации – от личного ожидания после работы до прямого неформального контакта в частной обстановке. Существующая в РФ система обжалования судебных актов в вышестоящих инстанциях служит дополнительной гарантией того, что любое предвзятое решение будет выявлено и отменено, независимо от того, состояли ли стороны в виртуальной «дружбе».

Таким образом, не усматривается действительной опасности в том, что судья принимает то или иное лицо в круг своих контактов в социальных сетях. Что касается одноклассников, то применение к ним жёстких этических стандартов видится преждевременным и неоправданным, поскольку профессиональная траектория студента юридического вуза далеко не predetermined. Более того, в небольших региональных вузах, где практически все знают друг друга лично, требование фильтровать любые совместные фотографии с возможным будущим представителем государственной власти представляется абсурдным и идущим вразрез со здравым смыслом.

Касательно распространения сведений о личной жизни как самим судьёй, так и членами его семьи, следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев представители судейского

корпуса демонстрируют осознанное воздержание от детального освещения частной сферы. Подобная сдержанность продиктована прежде всего соображениями безопасности – как личной безопасности носителя судебной власти, так и защиты его близких от потенциальных угроз и нежелательного внимания. Если для ординарного гражданина раскрытие информации о частной жизни реализуется посредством публикации в социальных сетях фотографий, видеозаписей и текстовых сообщений, иллюстрирующих досуг, путешествия или бытовые аспекты существования, то для судьи и его окружения подобная открытость сопряжена с существенными репутационными и дисциплинарными рисками. Родственники судей, осознавая уязвимость статуса члена своей семьи, как правило, воздерживаются от размещения визуального или текстового контента, способного не только поставить под угрозу физическую неприкосновенность судьи, но и бросить тень на достоинство судебной власти. Между тем правоприменительная практика знает примеры, когда пренебрежение данным императивом – будь то самим судьёй или его родственниками – становилось основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. Публикация фотографий или видеоматериалов, носящих вызывающий либо не соответствующий высокому статусу судьи характер, неизбежно влечёт вывод об умалении авторитета судебной системы и нанесении ущерба достоинству судейского звания.

Так, Квалификационная коллегия судей Краснодарского края досрочно прекратила полномочия мирового судьи вследствие распространения в сети Интернет видеозаписи частного характера, на которой судья, сопровождая тост в собственный адрес ненормативной лексикой, именует себя «супертелочкой». Комиссия констатировала, что подобное поведение, запечатлённое во внеслужебной обстановке, но ставшее достоянием публичного пространства, умаляет авторитет судебной власти, наносит урон репутации судьи и является грубым нарушением положений Кодекса судейской этики, что повлекло наложение дисциплинарного взыскания в виде лишения статуса судьи [10]. В качестве второго показательного прецедента может быть приведён казус судьи Новочеркасского городского суда, чьи полномочия были прекращены досрочно после того, как стороной защиты в апелляционной инстанции были предъявлены доказательства его пребывания на отдыхе в Адлере в период изготовления итогового судебного акта по уголовному делу. Представленные адвокатом справка железнодорожного перевозчика о приобретении и использовании проездного документа, а также

фотографическое изображение судьи на фоне горнолыжного курорта, сделанное в частной обстановке, послужили достаточным основанием для констатации нарушения тайны совещательной комнаты и последующей отмены приговора. Попытка судьи оспорить решение квалификационной коллегии в Верховном Суде РФ со ссылкой на фальсификацию снимка и приобретение билета супругой для обеспечения приватности семейной поездки не увенчалась успехом: Дисциплинарная коллегия ВС РФ признала увольнение законным и обоснованным [11]. Данный прецедент со всей наглядностью демонстрирует, что даже опосредованное попадание в сферу публичного судопроизводства сведений о частной жизни, свидетельствующих о пренебрежении фундаментальными принципами отправления правосудия, неотвратимо влечёт дисциплинарные последствия, умаляя достоинство судьи и подрывая общественное доверие к судебной системе.

Как справедливо резюмирует М. Ю. Елизарова, «размещение судьями своих личных фотографий фривольного характера, характеризующих их частную жизнь, и с сомнительными подписями оценивается как пренебрежительное отношение к окружающим, демонстративное игнорирование ими норм морали и нравственности» [12, с. 173].

В завершение анализа приведённых казусов и доктринальных оценок представляется необходимым выразить солидарность со сложившейся в судебском сообществе практикой применения мер дисциплинарной ответственности за ненадлежащее поведение в цифровой среде. Полагаем, что досрочное прекращение полномочий судьи в случаях, аналогичных описанным, является мерой не только юридически обоснованной, но и этически оправданной. Публикация материалов, несовместимых с достоинством судейского звания, свидетельствует не просто о досадной неосмотрительности, но о глубинной профессиональной некомпетентности их автора, неспособного или не желающего осознавать неразрывную связь между частным жестом и публичной репутацией правосудия. Лицо, занимающее судейскую должность и при этом транслирующее в публичное пространство контент, компрометирующий нравственные устои и авторитет власти, демонстрирует тем самым фундаментальное непонимание природы собственного статуса и принимаемых на себя ограничений, что делает его дальнейшее пребывание в судебском корпусе невозможным без ущерба для доверия общества к судебной системе в целом.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что социальные сети формируют для судейского сообщества новый контекст реа-

лизации этических требований, специфика которого заключается в практической невозможности жёсткого разграничения частной и профессиональной сфер в условиях публичности и экстерриториальности цифрового пространства. Действующая нормативная основа не устанавливает прямых запретов, но императивно требует от судьи выработки цифровой осмотрительности, предполагающей постоянную рефлексию относительно репутационных последствий любой сетевой активности. В отношении профессиональных виртуальных коммуникаций наиболее обоснованным признаётся либеральный подход, допускающий контакты с юристами при условии этической осмотрительности, тогда как жёсткие и умеренные ограничения лишены практической целесообразности ввиду технической специфики социальных платформ и непредсказуемости индивидуальных профессиональных траекторий. В свою очередь, в сфере распространения сведений о частной жизни дисциплинарная практика демонстрирует бескомпромиссную строгость: публичная демонстрация поведения, несовместимого с достоинством судейского звания, закономерно влечёт досрочное прекращение полномочий. Таким образом, присутствие судьи в социальных сетях представляет собой не реализацию частного интереса, а продолжение его институциональной миссии в условиях сетевой публичности, где каждое действие обретает характер ответственного самоконтроля, направленного на сохранение авторитета судебной власти.

Список литературы:

- [1] Digital 2025: ключевые данные из нового отчета DataReportal: BYYD. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.byyd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal/> (дата обращения: 12.04.2026).
- [2] Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (Версия коммерческая).
- [3] Рекомендации для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, включая Интернет, социальные сети: Совет судей Республики Хакасия. [Электронный ресурс]. URL: <https://kk.ssrf.ru/dokumenty/pravovaia-osnova/52873> (дата обращения: 12.04.2026).
- [4] Караганова, М. М. Профессия судьи: запреты и ограничения / М. М. Караганова // Вестник магистратуры. — 2025. — № 4-1 (163). — С. 36-37.
- [5] Факеева, Л. Е. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи / Л. Е. Факеева // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. — 2020. — №1. — С. 123-132.

[6] По квалификации и зарплата: Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7855340> (дата обращения: 12.04.2026).

[7] Распоряжение Правительства РФ от 19.11.2025 № 3339-р «Об утверждении перечня направлений подготовки и специальностей высшего образования, научных специальностей, по которым определяется предельное количество мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 47. – Ст. 7210.

[8] Очередь желающих: Юрист объяснил «парадоксальную» нехватку судей в России: Национальная служба новостей. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsn.fm/society/ne-puskaut-urist-obyasnil-nehvatku-sudei> (дата обращения: 12.04.2026).

[9] Логвинова, И. В., Мазуров, О. Р. Проблемы и критерии поведения судей при осуществлении правосудия / И. В. Логвинова, О. Р. Мазуров // Вестник науки. – 2023. – №10 (67). – С. 333-337.

[10] «За супертелочку»: кубанской судье не простили видео: Газета.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/yLyKB> (дата обращения: 12.04.2026).

[11] Уволенный из-за отпуска на море судья из Ростовской области попытался через Верховный суд вернуть мантию: donnews.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/fYRHI> (дата обращения: 12.04.2026).

[12] Елизарова, М. Ю. Реализация права судьи на защиту своего изображения / М. Ю. Елизарова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 3 (79). – С. 168-180.

References:

[1] Digital 2025: Key data from the new DataReport: BYYD. [Electronic resource]. URL: <https://www.byyd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-data-report/> (access date: 12.04.2026).

[2] Code of Judicial Ethics (approved by VIII All-Russian Congress of 19.12.2012) Judges (as amended by 01.12.2022) //ConsultantPlus Reference and Legal System (Commercial Version).

[3] Recommendations for judges when using information and communication systems, including the Internet, social networks: Council of Judges of the Republic of Khakassia. [Electronic resource]. URL: <https://kk.ssrf.ru/dokumenty/pravovaia-osnova/52873> (access date: 12.04.2026).

[4] Karaganova, M. M. Profession of a judge: prohibitions and restrictions/M. M. Karaganova//Bulletin of magistracy. – 2025. – № 4-1 (163). – S. 36-37.

[5] Fakeeva, L. E. On the participation of judges in social networks within the status of a judge/L. E. Fakeeva//NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. – 2020. – №1. – S. 123-132.

[6] By qualification and salary: Kommersant. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7855340> (access date: 12.04.2026).

[7] Order of the Government of the Russian Federation of 19.11.2025 No. 3339-r “On approval of the list of areas of training and specialties of higher education, scientific specialties, which determine the maximum number of places for admission to training under educational programs of higher education under education agreements concluded upon admission to training at the expense of physical and (or) legal entity, for the academic year 2026/27” //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 47. – Art. 7210.

[8] Queue of takers: A lawyer explained Russia’s “paradoxical” shortage of judges: the National News Service. [Electronic resource]. URL: <https://nsn.fm/society/ne-puskaut-urist-obyasnil-nehvatku-sudei> (дата обращения: 12.04.2026).

[9] Logvinova, I.V., Mazurov, O.R. Problems and criteria for the behavior of judges in the administration of justice/I.V. Logvinova, O. R. Mazurov//Bulletin of Science. – 2023. – №10 (67). – S. 333-337.

[10] “For the super-little girl”: the Kuban judge was not forgiven for the video: Газета.ру. [Electronic resource]. URL: <https://clc.li/yLyKB> (access date: 12.04.2026).

[11] Dismissed due to vacation at sea, a judge from the Rostov region tried to return the mantle through the Supreme Court: donnews.ru. [Electronic resource]. URL: <https://clc.li/fYRHI> (access date: 12.04.2026).

[12] Elizarova, M. Yu. Realization of the right of a judge to protect his image/M. Yu. Elizarova//Bulletin of Tver State University. Series: Right. – 2024. – № 3 (79). – S. 168-180.

